ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

СНОВА О МАЛЫШЕ «ИЗ СУМКИ»

Уважаемая редакция!

Приятно была удивлена, когда родственники прислали мне две вырезки из вашей газеты с моей фотографией. Нет ни слов, ни букв, одни чувства!

Снимку - 18 лет, было это в Восточном Казахстане, в городе Усть-Каменогорске. Мы, молодые и счастливые, только что получили двухкомнатную квартиру, из мебели - только холодильник и детская кроватка. Почему я об этом пишу, вы сейчас поймете.

Однажды, приготовив обед, я обнаружила, что ребенок мой исчез, т. е. игрушки, кубики, машинки разбросаны по квартире, а ребенка нет, а квартира (как я уже писала) абсолютно пустая. Представьте мой ужас. В это время пришел на обед муж. И снова поиски (уже вдвоем) не увенчались успехом. На сумку никто не обратил внимания. Я уже, конечно, в слезы, и вдруг из сумки: «Ку-ка» (это у нас «ку-ку»). На радостях папа быстро достал фотоаппарат и - готово!

Вот такая история. А малыш, который в сумке, сейчас курсант ДВОКУ, ему 20 лет, и он тоже был немало удивлен, когда увидел фото в газете.

Я родом из Свободного, в Благовещенске училась в финансово-кредитном техникуме, после окончания работала на главпочтамте. Очень жаль, что не могу выписать вашу газету (или могу?). Ведь все, что связано с городом, меня очень волнует. То, что все это - истина, подтверждает фото (ребенок тот же, но с отцом). Мы счастливы, что он нашелся, а он - что с нами пошутил.

Боюсь показаться навязчивой, но очень хочу принять участие в вашем конкурсе «Что бы это значило?». Наша версия к названию снимка - «Свет мой, зеркальце, скажи...»

С уважением Ольга Николаевна АНТОНОВСКАЯ,
г. Вышний Волочек Тверской области.

ОТ РЕДАКЦИИ

Не скроем, получать подобные письма очень приятно. Чтобы картина была более полной, напомним: сразу же после опубликования снимка, на котором улыбающаяся молодая мама держит малыша в сумке (он прошел под рубрикой «Что бы это значило?»), в редакцию пришла весточка от нашей постоянной читательницы И. Корольковой, в которой она делилась с нами радостью и благодарила за незабываемые минуты, доставленные газетой «Благовещенск». Развернув свежий номер, на 15 странице читательница увидела фотографию своей двоюродной сестры в молодости со старшим сыном.

«Моему удивлению нет предела, - писала И. Королькова. - Как фотография оказалась в газете? Кто мог ее прислать?»

Она позвонила к нам, в редакцию. И узнала, что снимок прислала одна из лучших подруг сестры - В. С. Соловьева, с которой Оля долго состояла в переписке, присылала снимки своего первенца, писала о житье-бытье.

«Восемнадцать лет моя сестра не была на Дальнем Востоке, она с семьей живет сейчас под Тверью, в городе Вышний Волочек. А тут вдруг это фото! Прошлое и настоящее причудливо соединились, воскресив много интересного, но полузабытого». Снимок, опубликованный в газете, дал повод людям вновь восстановить связь, некогда потерянную. Тогда же в Вышний Волочек полетело письмо. И вот пришел ответ, который мы предложили вашему вниманию. Более того: и фото, присланное нашей читательницей из «дальнего далека», мы решили опубликовать. Смотрите 15 страницу.

Всем действующим лицам этой интересной истории мы желаем счастья, здоровья и добра. Пронесите и дальше по жизни доброжелательные отношения и уважение друг к другу. В наше время это так необходимо!

ВЫЗВОЛИЛИ ИЗ БЕДЫ

В один из не очень счастливых для меня весенних дней в 16.00 бригада «скорой помощи», возглавляемая врачом Анатолием Геннадьевичем Черкасовым, доставила меня в отделение экстренной хирургии областной больницы. Здесь мне быстро сделали все необходимые анализы и процедуры, и уже в 17.00 я лежал на операционном столе. Оперировал Владимир Дмитриевич Довгий (он же был впоследствии моим лечащим врачом). Ассистентом был медбрат Артем Мазуренко, анестезиологом - Александр Юрьевич Черпаков.

При операции врачи обнаружили рыбью косточку от плавника горбуши длиной 2,5 сантиметра. В ней-то и заключалась причина моего внезапного недомогания. Оказывается, кость проколола двенадцатиперстную кишку. Моя жизнь была, как говорится, «на волоске». Высокий профессионализм медиков, их добросовестное отношение к служебному долгу спасли ее мне. Благодаря доброжелательному отношению и вниманию врачей и сестер я быстро пошел на поправку, выписался из больницы и теперь чувствую себя хорошо. Сердечно благодарю вас, дорогие! Счастья вам и здоровья!

П. МОСЕЕВ, ветеран войны и труда,
ветеран погранвойск.

ОБРАТНАЯ

СВЯЗЬ

ШРАМЫ ПОЛЕЙ

Летней порою приятно оказаться за городом, подышать свежим воздухом, насладиться тишиной и покоем пробудившейся к жизни природы. Возделанные поля радуют глаз бархатистой зеленью молодых побегов пшеницы, ячменя, овса... Но что это? То там, то здесь прямо по зеленым всходам наезжены дороги. Это садоводы-любители сокращают пути к своим дачным участкам и прокладывают дороги где им вздумается. Гибнут под колесами автомобилей всходы и, как шрамы, остаются темные полосы наезженных дорог на засеянных полях. А кроме того - выводятся из оборота гектары земли, вместо хлебов к осени вырастают на колеях никому не нужные сорняки.

Водители, будьте благоразумны! Прежде чем свернуть с дороги и проехать по засеянному полю, хорошо подумайте, так ли вам это необходимо.

Марина ТЕЛУХОВА,
п. Чигири.

БОЛЬНО И СТЫДНО

Хотелось бы поделиться с любимой газетой тем впечатлением, что осталось у моей семьи после посещения могил родных в «родительский день».

Тяжелые раздумья, грусть и мрак на душе от нашего общего бескультурья, от замшелого безразличия к памяти земляков, от того, что творится на наших кладбищах.

На старом городском у меня похоронен отец. Конечно, тут уже мало осталось могил, за которыми еще ухаживают. Нет у нас уборщиков мусора или смотрителей, как это принято в цивилизованных городах, но ведь это не значит, что владельцам гаражей надо превращать кладбище в свалку мусора. Здесь нет даже входа - петляешь между гаражами и горами мусора. В памяти моего детства остались красивые старинные трехарочные ворота из красного кирпича на дореволюционном кладбище. На костях похороненных сейчас стоят гаражи и другие постройки.

На 8-м километре у нас тоже есть могилы родных. В «родительский день» автобусов туда отправлено было много, и все-таки была давка, мужчины отталкивали пожилых женщин, а одна бабушка споткнулась на входе - ее вполне могли затоптать. Молоденький милиционер с мегафоном ничего не мог сделать. Больно и стыдно за такое отношение к старости, к кладбищу.

На 8-м км чисто только в центре у входа, а дальше - свалки мусора между могилами. Куда девать мусор, когда собираешь опавшую листву? Нигде ничего не обозначено, вот и наваливают прямо на запущенные могилы.

А ведь говорят, что по отношению к содержанию кладбища можно судить о нравственном здоровье общества.

Сейчас так модно посещать церковь. Я считаю, что кладбище все-таки ближе к церкви. Может быть, духовенству нашему стоило бы призывать верующих (да и неверующих тоже) к периодической очистке, уборке кладбищ. Вот и зачтутся грехи перед умершими.

Мэру ли города, администрации ли,- кому-то это обязательно надо делать: выделять транспорт, нанимать уборщиков за счет спонсоров.

А если просто попросят всех пойти и почистить, я буду в первых рядах. Обещаю.

Г. ТЮРЮХАНОВА, педагог.

К 140-ЛЕТИЮ ГОРОДА И ОБЛАСТИ

ТАЙНА СТАРОЙ КАРТИНЫ

Очерк

Это было довольно давно. В Благовещенске, в центральном выставочном зале была представлена экспозиция работ местных художников - как современников, так и мастеров более раннего периода. Экспозиция получилась крепкой, и это было признано общественностью.

Среди множества достойных доброй оценки работ была тогда одна - извлеченная из запасников местного худфонда, она не оставляла никого равнодушным. Это была картина уже к тому времени покойного художника Петра Сергеевича Евстафьева и называлась она «Молодожены».

По злой иронии судьбы мало кому из посетителей выставки было известно имя автора картины, но каждый чувствовал руку большого мастера. Нет, не провинциала с его тогдашней посредственной художественной школой за плечами, а именно чудного мастера, в ком чувствовался большой талант, а кроме того, истинная Школа.

«Кто этот художник?» - с удивлением интересовались одни.

«Неужели это наш земляк?» - недоумевали другие.

ВМЕСТО ПРОЛОГА

А на групповом портрете, - так, думаю, можно обозначить жанр картины, - были изображены двое: - он и она. Классические представители того далекого тревожного прошлого нашей страны, только-только встающей из руин гражданской войны - этой нелепейшей межбратской бойни. Он, по-корчагински суровый и изможденный эпохой, в картузе и косоворотке, и она - светлое русское лицо с тенью некой муки и в то же время просветвленное великим ожиданием - она ждет ребенка. И это подчеркнуто художником: какое-то бесформенное рубище, в которое одета молодая женщина, не может скрыть ее характерного состояния будущей матери.

Но вот выставка завершилась, и картины были разобраны их хозяевами. Ушли в небытие и евстафьевские «Молодожены», а с ними и имя автора, лишь на короткое время побывавшее на слуху у тех, кто посетил экспозицию. И больше никто это имя не вспоминал, как никто не вспомнил и ту картину, что очаровала людей своей суровой искренностью и печатью большого таланта автора. А потом шквальным ветром налетели иные времена, где уже стало не до талантов - все нынче только и делают, что поглощены собственным выживанием, - как, впрочем, и не до самой культуры человеческой, потихоньку превращающейся в тлен, будучи окруженной развалинами людских душ...

Люди стали жить иными измерениями, пользоваться иными ценностями, забывая, что только совокупность всех наработанных историей ценностей может стать фундаментом истинно цивилизованного общества. Культура - это общее целое, а не сиюминутная реакция на ту или иную политическую и экономическую обстановку.

...Мое детство прошло во время так называемой «оттепели», когда чуток оттаявшие после репрессивно-гулаговой эпохи люди пытались обрести душевный покой. Возвращались из лагерей горемыки, возвращалось само понятие «человеческая радость».

Я хорошо помню Благовещенск той поры всеобщей либерализации. Помню душевно-приподнятое состояние людей, обретших как бы новый смысл своего существования. Особенно характерно это было, как мне помнится, для городской интеллигенции и, в большей степени, интеллигенции творческой. Появилась какая-то открытость в отношениях, люди стали чаще встречаться друг с другом, вести откровенные беседы.

Мои родители водили тогда компании с довольно интересными людьми, среди которых, как их называли за глаза, были и «бывшие», были и недавние политзеки, а также ссыльные по политическим мотивам. Вот с той поры и несу я через всю свою жизнь память и любовь к тем людям, что олицетворяли для меня доброе культурно-историческое прошлое Благовещенска.

Что касается Петра Сергеевича Евстафьева, то имя его было известно мне с незапамятных времен. Но много ли я знал о нем? Да просто то, что он тоже был... из «бывших», что был он очень талантливым художником, но почившим в неизвестности. А тут вдруг несколько лет назад меня буквально ошеломил благовещенский живописец Владислав Афанасьев, который в разговоре сообщил мне (а я при случае люблю поговорить с этим человеком и о вечном, и о бренном, ибо это интересный собеседник и к тому же патриот нашего города и неплохой знаток его старины), так вот, Владислав Петрович и сказал мне о том, что в свое время в нашем городе, кроме прочих интересных людей, проживали и работали талантливейшие художники, при этом некоторые из них принадлежали школе Ильи Репина.

- Но откуда на Амуре репинцы? - удивился я. -

- А оттуда, откуда и иная творческая публика, - сказал Афанасьев. - Была революция, интеллигенция бежала от ее разрушительной поступи и оседала в иных краях. Кто-то оказался за границей, кому-то это не удалось - и они забились в глухие медвежьи российские углы...

По словам Владислава Петровича, в начале двадцатых, когда в стране пошла повальная эмиграция и миллионы людей рванули к чужим берегам, на один из пароходов, отплывавших из Петрограда в далекую Америку, сели несколько (Афанасьев предполагает, что трое) выпускников Императорской академии художеств, один из которых, мой собеседник в этом уверен, был Петр Сергеевич Евстафьев.

Увы, художникам не суждено было добраться до чужой земли, так как некий военный корабль, принадлежащий революционной России, задержал пароход и отвел его во Владивосток.

Художники решили предпринять новую попытку покинуть Родину, но для этого им необходимо было добраться до Петрограда. Они сели во Владивостоке на поезд, но... Шла гражданская война, и путешествовать на поезде было делом безнадежным. Так и оказались друзья по несчастью в дальневосточном Благовещенске. Мысль была - переждать кровавые дни и вновь попытаться выехать из России.

Чтобы не умереть от голода, художники стали подрабатывать себе на хлеб, давая уроки рисования в городских школах. Позже им даже удалось открыть в Благовещенске художественно-промышленную школу, где они готовили будущих живописцев и художников-оформителей.

При первой же возможности двое покинули Благовещенск, а Евстафьев так и остался здесь, посвятив себя полностью педагогическому труду.

Афанасьев называет известных ему талантливых учеников Евстафьева: Павел Пустовой, Иван Рыбачук, Кирилл Шебека... Кстати, о последнем. Как-то у М. С. Горбачева спросили, какой современный русский художник ему нравится, и тот назвал имя владивостокского живописца Шебеки...

Как говорил Афанасьев, Петр Сергеевич был прекрасным художником, но «жизнь сломала его, и он засох». Что касается работ художника, то они, по словам Владислава Петровича, хранятся сегодня в областном краеведческом музее и с ними можно познакомиться.

Вот таков вкратце рассказ моего старого приятеля о малоизвестной странице культурного прошлого Приамурья. Хотя, сам Афанасьев признается, рассказ сей далеко не полный и не лишен разного рода неточностей. И для того, чтобы нарисовать полную картину, мне необходимо было встретиться с людьми, которые в той или иной степени связаны с историей развития культуры в наших краях. Так я и отправился в путь за некой тайной за семью печатями...

(Продолжение следует).

К 140-ЛЕТИЮ ГОРОДА И ОБЛАСТИ

ВНИМАНИЕ: ВИКТОРИНА!

КТО ОТВЕТИТ НА 100 ВОПРОСОВ?

Продолжая обзор ответов на викторину «100 вопросов к юбилею города и области», хочется вновь и вновь поблагодарить тех наших читателей, кто не остается равнодушным к разговору о родном крае, кто старается открыть для себя (и не только) что-то новое, доселе неизвестное.

Хочется поблагодарить и тех участников викторины, которые предлагают нам темы для вопросов. Так, активный участник викторины **Г. А. Приходько**, которая приходит к нам в редакцию со своим внуком и приносит свои ответы, предложила целый ряд интересных вопросов, которые мы и включили в те или иные туры. В основном эти вопросы касались культуры - ведь наша читательница долгие годы проработала именно в этой сфере и ей прекрасно знакомо это поле человеческой деятельности.

Вопросы IX тура викторины, видимо, были не столь сложны, - на них с той или иной степенью точности ответили почти все участники. Так, **учащиеся УПК N 2 г. Благовещенска**, которые, как мы уже говорили, являются коллективным участником викторины, *точно указали местонахождение так называемой «архиерейской дачи»*.

«Архиерейская дача», - пишут они, находится на территории судостроительного завода им. Октябрьской революции. Это архитектурный и исторический памятник. Одноэтажный каменный дом в архитектурном решении сочетает два стиля - гражданского жилого строительства и культовой архитектуры. Построен по проекту (плану) Иннокентия Вениаминова в 70-е годы XIX века для архиепископа Камчатского (с 1899 г. принадлежал Благовещенской епархии).

Что касается вопроса, где речь идет о могиле, в которой похоронены жертвы гамовского мятежа, то участница викторины **Р. Н. Боринская** пишет: «В V туре викторины был уже вопрос о гамовском мятеже. Вспыхнул он 6 марта 1918 года, а к 13 марта был подавлен. При разгроме мятежников погибли десятки красногвардейцев. 22 марта 92 из них были похоронены в братской могиле. В 1920 году на могилу возложена надгробная плита, в середине которой - имитация лаврового венка из бетона. Рядом сооружен памятник (решение о его сооружении принято 14 декабря 1952 года на заседании горисполкома), представляющий собой обелиск в виде четырехгранной усеченной пирамиды, установленной на постаменте прямоугольного очертания. Пирамида увенчана пятиконечной звездой... Находится памятник на территории судостроительного завода имени Октябрьской революции.

Все верно. Но есть в этом ответе, как и в ответах ряда других участников викторины, этакая историческая неточность. Дело в том, что долгие годы власти скрывали от населения, что в могиле похоронены все жертвы мятежа - и красногвардейцы, и мятежники, и случайные люди, погибшие во время перестрелки противоборствующих сторон. Об этом все эти годы помнили те, кто был участником тех событий, и они донесли правду о них до наших дней. Кстати, в областном музее хранятся газеты тех дней, где хроникеры подтверждают эти данные.

Отвечая на третий вопрос, еще одна активная участница викторины **Т. Г. Каменщикова** пишет о том, что Зейско-Учурский район существовал с 1937 до 1954 года. Располагался в бассейне верхней Зеи в основании северного хребта Тукурингра-Соктахан-Джагды. Площадь - 62 тысячи квадратных километров. Административный центр находился в селе Бомнак. В 1954 году этот район вошел в состав Зейского района.

Абсолютное большинство участников справилось с 4-м и 5-м вопросами тура. Возьмем за пример ответы **семьи Иваковых**. Отвечая на вопрос, в каком месте нашей области находится географическая точка, носящая имя Эзоп, эти участники пишут: «В нашей области эта географическая точка - хребет Эзоп. Он начинается у стыка хребтов Дуссе-Алинь и Ям-Алинь и простирается в направлении запада... высшая точка хребта - 1902 метра...»

Прекрасный ответ этими участниками дан на 5-й вопрос, где требовалось определить, что изображено на рисунке известного амурского художника П. К. Пустового, и рассказать о его творчестве. Так, для нас явилось неожиданным, что уважаемым **Иваковым** удалось получить информацию о том, что Павел Климентьевич был учеником художника П. С. Евстафьева, который в свое время учился у Репина, а в послереволюционные годы явился создателем художественной школы и студии в Благовещенске.

«Он, - **пишут Иваковы** о П. К. Пустовом, - являлся художественным редактором многих изданий Амурского и Хабаровского книжных издательств... Широко известны его рисунки, посвященные Благовещенску... Никого не могут оставить равнодушными его пейзажные зарисовки. О скольких прекрасных местах нашей области мы узнаем по рисункам Пустового»...

Алексей ВОРОНКОВ.

НА КОНКУРС

ПРОГНОЗ

Я иду по вечернему городу,
Я погоды не слушал прогноз.
Руки жжет без перчаток
от холода,
Режет щеки крещенский
мороз.
Но амурской доволен погодою!
Где найти еще климат такой,
Что за тридцать бывает
по модулю
Жарким летом,
холодной зимой?
Здесь народ,
закаляясь, сражается
С перепадами температур.
Здесь могучие
реки венчаются:
Зея замуж идет за Амур.
Вниз по ним,
в дни апрельские вешние
Прослезившись,
спускается лед.
Здесь приметы
народные вещие
Нам весны прочат
поздний приход.
Здесь красавица -
каждая женщина.
Расцветают улыбки весной.
Коренной гражданин
Благовещенска,
Обожаю мой город родной!
Вдаль иду по вечерним
я улицам,
Мерзнут уши, и щеки, и нос.
А снежинки игривые
кружатся...
Хорошо! Вот и весь мой
прогноз!

С. ШТЕННИКОВ.

МОЙ БЛАГОВЕЩЕНСК

Музыка Сергея КОЖИНА, слова Александра ФОМИНЫХ

Где волны струятся
и плещут,
Где Зея с Амуром слились,
На кромке страны,
Благовещенск,
Кварталы твои поднялись.
ПРИПЕВ:
Горят огни в купели
синей -
Под сенью кленов,
тополей -
Ну что милей,
ну что красивей
Любимых улиц, площадей.

С тобою доступны все цели,
Сбываются наши мечты -
Ты в песнях на всех
новосельях,
На свадьбах
и праздниках ты.
ПРИПЕВ.

Творцы твоих дел
не забыты.
Дворцы твои радуют глаз,
И двери театра открыты
С границею рядом у нас.
ПРИПЕВ:
И он зовет, -
твой храм искусства -
Твоя душа, - и мы идем,
Идем, чтоб сердцем
прикоснуться
К тому, что так
прекрасно в нем.
И не стареть тебе
с Россией -
Под сенью кленов,
тополей, -
ну что милей,
ну что красивей
Любимых улиц,
площадей.

Алексей ВОРОНКОВ

ТАЙНА СТАРОЙ КАРТИНЫ

Очерк

По правде сказать, я испытывал некоторое волнение, когда теплым октябрьским утром шел в местный музей. Мне предстояла встреча с наследием загадочного, оттого что забытого, художника Петра Сергеевича Евстафьева, с его картинами, среди которых была и та, с добрым названием «Молодожены». С картиной, пленившей меня много лет назад, когда я посетил выставку местных художников.

А еще мне предстояло встретиться с человеком, посвятившим свою жизнь изучению изобразительного искусства, искусствоведом по диплому и по призванию Ниной Васильевной Верещагиной, которая, увы, волей судьбы стала выполнять не свойственную ей роль музейного работника, так как, к сожалению, ее любимая профессия оказалась ненужной для города, в коем, как и кругом нынче, тихо «угасают лиры».

К моему удовлетворению, Нину Васильевну заинтересовал мой поиск информации о старых благовещенских художниках репинской школы, и она взялась поведать мне о П. С. Евстафьеве.

(Продолжение. Начало в № 25)

I.

Почему только о нем? Во-первых, именно творчеством этого человека Н. В. Верещагина занималась вплотную, а во-вторых, у нее нет точных сведений, как и сколько репинцев в свое время попало на Амур. Ну да история жива устами многих людей...

Что касается Евстафьева, то Нина Васильевна изучила его жизнь, как говорится, вдоль и поперек, ибо творческой деятельностью и судьбой этого художника заинтересовалась еще в годы учебы в Уральском университете. Случайно, говорит, нашла в каталогах его имя - участника многих выставок, а тут еще всплыл факт, что Евстафьев долгие годы жил и работал в ее родном Благовещенске. В общем, заинтересовал человек, и дело пошло.

Петр Сергеевич Евстафьев, по словам Верещагиной, - выходец из Казани, там он в 1880 году родился, там и сделал первые шаги в искусстве, окончив знаменитую в свое время художественную школу. Способностями Евстафьев обладал незаурядными, поэтому в 1901 году он поступает в Петербургскую императорскую академию художеств.

Время то было славное для искусств - настоящий ренессанс культуры. Люди, окрыленные возрождением славы и крепи самой России, ее экономическим расцветом, были духовно настроены на великие творческие высоты. Это было время Шаляпина, Блока, иных гениев. Активная творческая жизнь России не оставила в стороне и художников. В зените своей славы был Репин вместе со своими передвижниками, творили Серов, Левитан, получили признание новые влияния в изобразительном искусстве, к примеру, набирал силу импрессионизм, творческие силы объединялись по направлениям и по интересам - так появились объединения художников «Бубновый валет», «Мир искусства», «Голубая роза», прочие...

Евстафьев поначалу учился в классе Ильи Ефимовича Репина. У Репина учеников было несть числа - каждый начинающий художник стремился попасть в класс российской знаменитости. Пришлось этот класс поделить поровну и передать половину молодых талантов помощнику - Дмитрию Николаевичу Кардовскому, известному русскому педагогу и художнику, продолжателю знаменитой педагогической школы Павла Чистякова. Таким вот образом Петр Евстафьев из репинца становится кардовцем. Это дало ему многое. С одной стороны, парень взял что-то от руки Репина, с другой - от сердца и больших педагогических знаний Кардовского (а известно, что Кардовский как педагог был выше на голову Репина. Первый обладал талантом доступно рассказать и дать пищу для ума, у второго же полностью отсутствовал дар слова, и он мог ученику только показать, как нужно, или же скорее - как можно работать кистью).

Евстафьев, видимо, был признателен Кардовскому за все, что тот сделал для него. Не случайно ученик и учитель вели переписку вплоть до самой смерти последнего. Кстати, о Кардовском написана книга, куда включена и часть писем Евстафьева к Кардовскому. Но вот писем Дмитрия Николаевича к Петру Сергеевичу найти не удалось. Все объясняется просто: Евстафьев боялся преследования большевистских властей, у которых к людям искусства был в те времена свой интерес - их просто-напросто как «деклассированный» элемент расстреливали или же помещали в концлагерь, - поэтому весь свой письменный архив он, по-видимому, уничтожил.

В академии Евстафьев проучился довольно долго - до 1909 года. Причиной тому - затруднительное материальное положение, в котором он пребывал. Сохранились даже документы, где Петр Сергеевич просил руководство академии отпустить его по семейным обстоятельствам в Казань для работы в тамошней художественной школе.

В 1909 году Евстафьев получил звание художника (было тогда такое) за свою живописную дипломную работу под названием «Сбор яблок».

После окончания академии Евстафьев некоторое время работал в Казанской художественной школе. Их возвратилось тогда трое друзей - выпускников академии - кроме Евстафьева, еще Беньков и Фешин. Встречала своих сыновей просвещенная тогда Казань с помпой - еще бы, ученики самого Репина приехали!

Позже Евстафьев уезжает в Пермь, где также, кроме творчества, занимается педагогическим трудом. Там, в Пермской картинной галерее, и хранятся сегодня основные работы художника. (Говорят, есть его произведения и в Рижском музее русского искусства, но эти факты носят лишь предположительный характер). Известен находящийся в Перми «Портрет музыканта» кисти Евстафьева, композиция «В саду», иные.

Евстафьев, рассказывала мне Н. В. Верещагина, был очень талантливым художником. В нем было некое оригинальное начало. Он был художником настроения, хороша была его природа, то ее состояние, которое увидели его глаза, ощутило сердце и запечатлела рука. Евстафьев был не чужд своему времени, поэтому и он, как многие его коллеги-современники, не избежал импрессионистского подхода в живописи.

Сохранился один из критических отзывов о работах раннего Евстафьева, где прямо сказано, что он, художник, работает в стиле «а ля пленэр», то есть в духе импрессионизма, на открытом воздухе, при естественном освещении, мимолетном впечатлении и определенном настроении. Хотя назвать Евстафьева «чистым» импрессионистом нельзя. Ибо он, кардовец, варился в котле неоклассицизма, правда, и к неоклассицистам его не отнесешь. Он - сам собой. У него есть что-то и от мощи Репина, и от высокой техники Серова (портрет свободный, широкие мазки)... Все это - результат творческих поисков и эксперимента, которыми жили художники начала века. Не случайно в ту пору была масса направлений в живописи, и это продвигало искусство вперед, к новым вершинам. Когда же над лирами нависла идеологическая тень унитарного государства, искусство, облеченное в тогу соцреализма, остановилось в своем нормальном развитии и превратилось в нечто плоское и бесцветное.

Благовещенский период деятельности П. С. Евстафьева интересен по-своему: он уже редко берет в руки кисть и карандаш, но больше уделяет внимания педагогической работе.

Рассказывают, что когда Петр Сергеевич прибыл в 20-м в Благовещенск, здесь уже жил и трудился известный русский художник Георгий Васильевич Белащенко, которого, как и Евстафьева, жестокая волна революции забросила в глухой угол. Который, по словам сведущих, был настолько талантлив, что, не будь социальных потрясений, смог бы стать выдающимся художником. Белащенко, как и Евстафьев, учился в Петербургской академии художеств в классе Маковского, но намного раньше.

Очень трагична судьба этого человека: все его многочисленные работы погибли при пожаре во время гражданской войны. Больше он сотворить почти ничего не успел, ибо был уже достаточно стар. После него (умер в Благовещенске в 1927 году) осталась одна работа - портрет, который, как мне сказали, находится в Благовещенском педучилище N 1.

(Продолжение следует).

ВЗАИМНЫЙ БАНК

Александр МАТЮШЕНСКИЙ

(Продолжение. Начало в №№ 1-10, 13, 15-16, 18, 23, 25-26)

Глава 23

НЕПРИЯТНАЯ ТЕЛЕГРАММА

Андрей Андреевич проснулся довольно рано, и тотчас ему вспомнилось что-то приятное, но что именно, он со сна еще не мог разобраться.

Вечером, или, вернее, ночью, он, как и всегда, был у Каракера, но выпил умеренно, поэтому голова сейчас не болела и не было той гнетущей одышки, которая всегда у него сопровождает неумеренную выпивку. Напротив, он чувствовал некоторое возбуждение, особую бодрость.

- Вот что значит воздержаться! - подумал он. - Хорошо!

И он потянулся в кровати, расправляя свои могучие члены.

- Но что же такое случилось со мной приятное? - задал он себе вопрос. - Почему я чувствую себя именинником?

И он начал вспоминать вчерашний вечер.

Ужинали с Цаплиным... Подойницын... Ах, да! Маруся! - тотчас вспомнил он. - Неужели она, действительно, любит меня? Ведь мне под пятьдесят, а ей всего шестнадцать!.. И даже шестнадцати нет! Не верится!.. А, между тем, все же приятно... Да и поступок такой ... яркий! Невольно веришь или по крайней мере надеешься...

«Поступок» Маруси действительно нужно отнести к разряду ярких. Уже к концу ужина, когда подали шампанское, к Лесову и Цаплину подсел некто Подойницын, молодой здоровый человек, по-молокански красивый, т.е. с упитанной лоснящейся физиономией.

Как раз в этот день его рысаки взяли приз на ипподроме, и Лесов спросил его:

- Ну, как поживает ваш Ветерок?

- Хорошо, однако, - ответил Подойницын. - Что ему делается?

- Вы на нем сюда приехали?

- На нем.

- А он шибко бегает? - спросила Маруся, увлекающаяся быстрой ездой.

- Первый приз сегодня взял, - ответил ей Лесов.

- Вот бы прокатиться на таком!

- Что ж, пойдем! - предложил Подойницын и окинул ее плотоядным взглядом.

- Сейчас? - вся загорелась Маруся, уже предвкушая быструю, захватывающую дух, езду.

- Отчего же, можно и сейчас. Прокачу до Зеи, а потом в «Брюссель».

Маруся, уже приподнявшаяся с дивана, на котором сидела, тотчас опять села и вся как-то потемнела.

- Ну, что же, пойдем! - приглашал Подойницын.

- Я не хочу в «Брюссель», - почти сурово ответила она.

- Почему? - спросил Подойницын, нахально покачиваясь. - Ты думаешь, плохо заплачу?

- Не надо мне вашу плату! - уже совсем сурово ответила Маруся. - Вы думаете, вашими деньгами всех купить можете?

- А тебя нельзя купить? Ну, это ты врешь! - сказал, задетый за живое, Подойницын. - Это одни слова.

Маруся надулась и молчала.

- Так не поедешь? - приставал Подойницын.

- Сказала уже, что не поеду!

- Хорошо! Ну, вот, смотри!

И Подойницын вынул бумажник, раскрыл его и положил пред Марусей сторублевку.

- Поедешь?

Маруся даже и не посмотрела на кредитку.

- Ага. Мало? Ну вот еще. - И Подойницын положил еще сторублевку.

Маруся и бровью не повела.

- Мало и этого? Ну, хорошо же! - И он из другого отделения вытянул за уголок пятисотрублевку. - Получай и едем!

- Не верь, Маруся, он у тебя потом отымет деньги! - со смехом заявил Цаплин.

- Отыму?

- Конечно.

- Пусть так! Тогда я вот Андрею Андреевичу на руки отдаю деньги. - И он передвинул 700 рублей к Лесову. - Ну, едем, Маруська! - Теперь уже начистоту, без обмана!

Маруся прижалась к плечу Лесова и ни слова не ответила. Подойницын совсем разозлился:

- Что, опять мало! Семьсот рублей тебе мало! Да тебе вся цена 7 копеек.

Маруся вскочила и выбежала из кабинета.

- Знаете, Подойницын! - обратился к нему Цаплин. - Вы слишком много себе позволяете... Я попрошу вас удалиться отсюда.

- Но что же я такого сделал?

- Вы оскорбили девочку.

- Чем же я ее оскорбил?

- Если вы не понимаете, чем оскорбили, то нам и разговаривать не о чем.

- Но... Я, право... Не хотел ее обидеть... Я готов извиниться...

- А, это другое дело.

Цаплин позвонил и велел вошедшему лакею позвать Марусю.

Через минуту лакей возвратился и доложил:

- Не хочет идти...

- Почему не хочет?

- Говорит, пока вот они тут, она не придет.

И лакей указал на Подойницына.

- Ага! Вот видите! - обратился Цаплин к Подойницыну. - Ну, хорошо, скажи ей, что г. Подойницын хочет перед ней извиниться, и что мы с Андреем Андреевичем очень просим ее придти и тоже извиняемся перед ней за него, - приказал он лакею.

Через минуту Маруся вошла и опять села на диван рядом с Лесовым. Глаза у нее были заплаканы.

- Я извиняюсь перед тобой, Маруся! - обратился к ней почти отрезвевший от полученной встряски Подойницын. - И прошу принять эти деньги от меня, как возмездие за обиду... без всяких там «Брюсселей»...

И он подвинул к ней деньги, все еще лежавшие перед Лесовым.

Маруся отшвырнула деньги.

- Не надо мне ваших денег!

- Но, Маруся! - совсем растерялся Подойницын. - Я ведь даю их тебе просто так, как подарок.

- Не надо мне ваших подарков!

Подойницын растерянно смотрел на всех.

- Что, Подойницын! Как видите, не все и не всех можно деньгами купить! На этот раз вы потерпели поражение. Возьмите и спрячьте ваши деньги.

И Цаплин взял со стола и подал ему кредитки. Подойницын, совсем обескураженный, взял бумажки, смял их в кулаке и сунул в карман брюк, потом сел на стул и с минуту смотрел на Марусю, как бы не узнавая: она это или совсем другая?

Наконец он вскочил на ноги и горячо проговорил:

- Ну, прости, Маруся! Проучила ты меня, дурака! Ничего мне не остается, как уйти.

И он сделал общий поклон и вышел, сконфуженный, почти убитый...

После этого, почти тотчас же Цаплина вызвали по телефону и он уехал. Лесов и Маруся остались одни.

- Ну что же будем делать, Маруся! - спросил Лесов.

- Прокатите меня до Зеи, - все еще грустная, ответила она.

- Прокатить до Зеи? Вот тебе и на! Только что отказалась на лучшем в городе рысаке прокатиться!.. А теперь... Ведь у меня нет рысаков, как у Подойницына!..

Маруся с укором посмотрела на него:

- Я с тобой хочу, а не с противным Подойницыным.

- С противным! Чем же он противный?

- Всем противный...

- А я разве не противен тебе?

Она, ни слова не говоря, прижалась к нему.

Вот что вспомнил Лесов, потягиваясь на кровати. И опять он задал себе вопрос:

- Неужели она любит меня? Это было бы хорошо, черт возьми! Значит, я еще не совсем старик!.. Если с такими молодцами, как Подойницын, соперничать могу!..Да и что же тут такого? В Париже пятидесятилетний мужчина в среде гризеток считается молодым человеком!.. Да, но то Париж! А тут ... дичь и глушь! Двадцатилетняя девица считается уже перестарком... И в свою очередь мужчину, если у него выросла борода, считает стариком... А я уже... давно с бородой!..

При этом мысли он нахмурился, но тотчас опять оживился:

- Что же, разве не бывает исключений? А Мазепа! Ведь любила же его шестнадцатилетняя крестница! Нет, мы еще поживем!

И он бодро и весело вскочил с кровати.

- Выпить кофе, да и в банк! А потом... вечером в сумерках с Маруськой куда-нибудь за город прокатимся! Надо и свежим воздухом подышать...

Но за кофе его ждала неприятность, совершенно уничтожившая бодрое настроение.

Рядом с его стаканом, на подносе лежала телеграмма из Петербурга.

Отхлебнув глоток кофе, он распечатал телеграмму и прочитал... И тотчас как бы осел в кресле.

- Что такое? - проговорил он вслух. - Донос! Не может быть!

И он начал вновь перечитывать телеграмму.

Телеграфировал его приятель: «Получен донос. Обвиняют в кутежах шантане, расточительности, учет неблагонадежных векселей, мнимых, якобы, золотопромышленников, каких-то евреев. Приготовься дать объяснение. Перепелицин.»

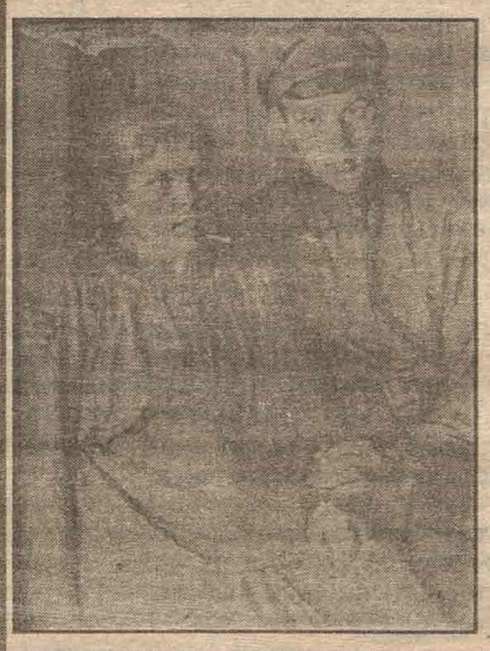
- О, черт возьми! Какая гадость! Неужели это Костин!.. Что тут делать?

Лесов вскочил и начал ходить по столовой.

(Продолжение следует).

Алексей ВОРОНКОВ

ТАЙНА СТАРОЙ КАРТИНЫ



Очерк

Кстати, Белащенко был основателем и директором художественно-промышленного училища в Благовещенске. Именно в этом училище по приезде в Благовещенск стал преподавать П. С. Евстафьев.

Как свидетельствует история, Благовещенск начала двадцатых годов был интересен своей культурной жизнью, которая находилась на подъеме, ибо здесь собралось много творческой интеллигенции. Вот такой примечательный факт: силами местных художников была собрана экспозиция их работ, с которой часть этих художников и отправилась в 1924 году в китайский Харбин, где предполагалось организовать выставку. Увы, картины исчезли, а художники в Советскую Россию не вернулись. Что произошло? История об этом умалчивает. Но я думаю, придет время, и кто-то из журналистов или искусствоведов отправится по следам и тех художников, что не вернулись домой, и их картин, которые по праву принадлежат России.

(Продолжение. Начало в №№ 25, 26)

И вот интересный, равно как и драматический факт: после невозвращения благовещенских художников из Китая неожиданно закрывается (1925 год) здешнее художественно-промышленное училище, которое успело сделать лишь один выпуск. Судьба! Позже как ни билась творческая интеллигенция, но ни художественного училища, ни художественного музея так в Благовещенске создать и не удалось. Но, думаю, придет время, и восстанет Благовещенск, а с ним и все Приамурье из руин невежества и порушенной цивилизации. И это будет истинным ренессансом для нас всех, здесь живущих...

Ну а картины Евстафьева... Сколько их в Благовещенске? Сохранились ли они в первозданном виде?

- Работы Петра Сергеевича нуждаются в тщательной реставрации, -сказала мне Н. В. Верещагина. - Они в таком сейчас состоянии...

- А что с картиной «Молодожены»? - не выдерживаю я. - И она... Тоже?..

- И она, - подтверждает мою мысль искусствовед. - Разорвана в клочья...

Да кто же этот вандал, который посмел это сделать?! - хотел воскликнуть я, но вспомнил: вандализм - это то тотальное состояние нашего общества, в котором мы живем. И в котором, наверное, еще долго будем жить...

II.

И все же мне удалось взглянуть на «Молодоженов». Увы, то была уже не картина, а фотография, которую бережно хранит у себя в тесной однокомнатной квартирке, где и богатства-то - лишь ворох старых фотографий, Мария Федоровна Кузнецова, урожденная Коротаева. Старая добрая моя знакомая, поведавшая мне в свое время всю богатую историю родного для нас с ней Благовещенска. Та самая, слава рода которой - купеческого, трудового - до сей поры жива в сердцах многих амурцев. Это их мельницы и пароходы, магазины и всевозможные производственные линии работали на экономику нашего края, принося ему немалую славу.

Однажды Мария Федоровна, к моему нескрываемому удивлению, во время нашей очередной беседы обмолвилась вдруг о старых благовещенских художниках.

- Так вам известно и о них? - спросил я ее.

Да, она что-то знала, и мы договорились, что Мария Федоровна при следующей встрече поведет разговор о художниках. И вот я вновь в доме Кузнецовой-Коротаевой.

Очевидец далеких событий, Мария Федоровна подтвердила факт пребывания на Амуре целой группы больших художников, выпускников Петербургской академии художеств. Закрывали за ненадобностью по всей России художественные школы и училища - новая власть считала, что художники - профессия ненужная, - вот и уезжали люди за границу в поисках лучшей доли, говорила Мария Федоровна.

Что касается ее, то она знавала двух таких художников - Петра Сергеевича Евстафьева и Григория Григорьевича Эльшина. «Они у нас в школе преподавали», - интригующе произнесла моя собеседница. Как, в какой школе? - нетерпению моему уже не было предела.

...Это было в первые годы после революции. В 19-м Мария Федоровна пошла учиться в благовещенскую школу имени М. Ю. Лермонтова. До революции она называлась Ольгинской - в честь царевны Ольги. Школа эта считалась престижной, ибо в ней обучение велось по специальной элитарной программе, разработанной еще при непосредственном участии императрицы Екатерины II-ой. (Я всегда восхищаюсь тому прекрасному слогу, который Мария Федоровна употребляет в письменной и устной речи, ее грамотности; бесспорно, это результат высокой школьной подготовки. В программу входило и обучение учащихся основам изобразительного искусства. А учителя-то, учителя кто были!

Первым моим преподавателем рисования, вспоминает Мария Федоровна, был Эльшин. Припомнила довольно забавный эпизод: как-то, глядя на то, как у его ученицы не все получается с рисунком, учитель сказал с долей иронии: «Я как погляжу, с вами происходит обратный процесс - вы рисуете с каждым разом все хуже и хуже».

А когда в Благовещенске было создано художественно-промышленное училище, бывшие петербургские академисты стали совмещать преподавание в школе с преподаванием в этом новом учебном заведении.

Эльшина Мария Федоровна поминает добрым словом: невысокий, лысоватый, он был душой-человеком. Впрочем, все они, талантливые художники и педагоги, изгнанные со своих насиженных мест, своих пенатов и затерявшиеся в далеком уголке России, были, по воспоминаниям Марии Федоровны, людьми душевными и чуткими. Среди них не было людей злых, хотя сама тогдашняя жизнь могла легко перевернуть душу.

После Эльшина в класс, где училась Маша Коротаева, пришел другой академист - Михаил Станиславович Пилецкий. Этот был высок, носил темно-каштановую шевелюру и был моложе своего предшественника. Тоже прекрасный, почитаемый учениками педагог.

А вот когда Маша перешла в четвертый класс, к ним пришел совсем молодой учитель рисования Алексей Алексеевич Мальчиков, которого ученики, в отличие от первых двух педагогов, стали сразу почему-то «заводить», обзывая за глаза «селедкой».

«По длинным доскам коридора,
Лишь время придет на часах -
Учитель «селедка» несется,
Несется на длинных ногах.»

Этот стишок сочинила тогда Маша Коротаева, но не со зла, а так, для куража. Чай, молодой был новый академист (был одним из учеников Репина), - вот и тянула нечистая подначить. Хотя, опять же, человек и педагог то был прекрасный.

- И Евстафьева Петра Сергеевича я знавала, - говорит Мария Федоровна. - Он был крестным отцом моей старшей сестры. Она -молоканка, как и я, а выходила за православного, поэтому ее необходимо было окрестить по православному обычаю. Так вот, Петр Сергеевич и стал крестным...

Мария Федоровна рисует его цельный образ, образ великого труженика, талантливейшего педагога и... аскета. В Благовещенск Евстафьев приехал один (семья осталась, по-видимому, в Перми или же в Казани). Образ жизни вел затворнический, не любил о себе рассказывать и водить компании - боялся попасть на глаза властям, которых могло бы заинтересовать его прошлое. Ведь все они, люди искусства, были для власть предержащих теперь «чуждым элементом».

Интересен жизненно-духовный облик художника, показателен набор эпизодов его биографии, которые сохранились в памяти человека, знавшего Петра Сергеевича. Хотя Мария Федоровна не претендует на обобщения, она просто ведет речь о том, что знала и видела сама. Нет, она не помнит его духовных подвигов, но ей хорошо известно о его подвижничестве как педагога, посвятившего амурский период своей жизни кропотливой работе по поиску талантов и воспитанию молодого поколения художников. При этом таких, которые бы не чувствовали свою ущербность, находясь далеко от центров российской цивилизации, а были бы полноправными и полнокровными людьми от искусства.

(Продолжение следует).

ИСТОРИЯ БЛАГОВЕЩЕНСКА

Хроника

9 августа 1965 г. Решением N 600 Благовещенского горисполкома отведен участок под новое кладбище на 8 километре Новотроицкого шоссе.

23 августа 1965 г. Решением N 611 Благовещенского горисполкома по ул. Северной кладбище закрыть с 1 сентября.

10 июня 1966 г. Завод «Амурэлектроприбор» выпустил миллионный по счету вольтметр марки Ц-24.

30 декабря 1966 г. В Благовещенске сдано в эксплуатацию новое здание швейной фабрики, одно из самых больших на ДВ.

28 февраля 1967 г. В Благовещенске открыт новый кинотеатр «Зея».

Сентябрь 1967 г. Благовещенск. Начала работу первая в области детская художественная школа (5 сентября 1967).

23 сентября 1967 г. На площади Победы состоялся митинг, посвященный открытию памятника воинам-амурцам, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

7 ноября 1967 г. Благовещенск. Новая площадь, созданная на берегу р. Амур, у Дома Советов, по решению Благовещенского горисполкома названа именем В. И. Ленина. Здесь впервые состоялась праздничная демонстрация трудящихся города и воинов гарнизона.

Июнь 1968 г. Благовещенский спортсмен Виталий Тулупов на чемпионате РСФСР по классической борьбе в Оренбурге завоевал звание чемпиона РФ.

28 ноября 1968 г. На улице им. 50-летия Октября сдан в эксплуатацию первый 9-этажный жилой дом.

24 декабря 1968 г. В Благовещенске вступила в строй действующих благовещенская телевизионная станция «Орбита». Первая пробная передача проведена 3 ноября.

28 апреля 1970 г. «Амурская правда» сообщила, что в Благовещенске сдано в эксплуатацию новое здание автовокзала на углу улиц им. 50-летия Октября и Красноармейской.

10 июля 1970 г. Благовещенск. В Доме офицеров Советской Армии открылась выставка работ мастеров кисти и резца Хабаровского отделения Союза художников РСФСР.

2 октября 1970 г. В здании областного театра драмы проходил торжественный пленум обкома комсомола с участием летчика-космонавта СССР, дважды Героя Советского Союза В. А. Шаталова, посвященный 50-летию областной комсомольской организации.

5 октября 1970 г. В ДОСА трудящиеся областного центра встретились с летчиком-космонавтом В. А. Шаталовым, которому было присвоено звание почетного гражданина Благовещенска.

23 сентября 1971 г. В Перу на чемпионате мира по тяжелой атлетике благовещенский студент В. Каныгин стал чемпионом мира.

Алексей ВОРОНКОВ

ТАЙНА СТАРОЙ КАРТИНЫ

Очерк

Петр Сергеевич, вспоминает Мария Федоровна, жил при училище, там же жил и один из его любимых учеников по фамилии Гусев, который позже учился в Академии художеств в Москве. Много лет спустя Мария Федоровна узнала, что Гусев академию закончил, жил в Москве, а потом вдруг ослеп. Художник долго лечился, в конце концов он избавился от недуга, но врачи, дабы он вновь не ослеп, запретили ему заниматься живописью. Вот так талантливому человеку пришлось стать простым учителем рисования. Последние годы жил Гусев где-то под Ленинградом, очень был болен.

(Окончание. Начало в №№ 25-27)

Марии Федоровне, как оказалось, не случайно так хорошо известна судьба талантливого амурчанина. Во-первых, он был другом семьи Коротаевых. Во-вторых, в свое время, когда ей было шестнадцать, Василий Гусев даже сватался к ней. Было это как раз перед отъездом его в академию. «Выходи, - говорит, - Маша, за меня замуж».

- Но я тогда была еще очень молода и отказала, - говорит моя собеседница.

Потом она достала из своего незатейливого архива фотографию выпускников единственного выпуска (курс П. С. Евстафьева, 1924 год) Благовещенского худучилища и, указывая на каждого, кто был там изображен, стала перечислять: Манжула (имя этой выпускницы Мария Федоровна не помнит), Иван Григорьевич Смотров, Борис Грешнер, Викулов (имя не помнит), Василий Васильевич Гусев... Всего девять человек. Молодые, с одухотворенными лицами, будто бы с любопытством и в то же время с некоторой настороженностью и напряжением всматривающиеся в горизонты будущего. Что там?..

- Один из них и сейчас живет в городе, фамилию вот только запамятовала, - а может, и умер уже, - говорит Мария Федоровна. - Лет десять назад мы встретились на выставке местных художников, а я там, в выставочном зале, кассиром работала. Подходит, здоровается и этак укоризненно говорит: «А картину Петра Сергеевича вы неправильно повесили (это он о картине Евстафьева), не то освещение...»

Я спросил, о какой картине идет речь, и неожиданно для себя услышал:

О «Молодоженах».

- Вы помните эту картину? - спросил я.

Мария Федоровна всплеснула руками. Ну как же ей не помнить! Ведь на этой картине изображена... ее родная старшая сестра с мужем, тем самым Иваном Григорьевичем Смотровым, которого я только что видел на фотографии выпускников художественного училища.

Вот так поворот! - удивился про себя я, а Мария Федоровна тем временем достает из своего архива очередное фото. Я гляжу на него, и мне становится жарко: «Молодожены!» Он - красивое мужественное лицо (ну прямо герой повести Н. Островского!), косоворотка, картуз; она - чуть усталые глаза, бледное лицо, рубище, обтягивающее дышащее зрелой беременностью плоть...

- Картина была уже немного подпорчена, и я попросила перефотографировать ее для меня, - вдруг, думаю, пропадет... - говорит Мария Федоровна. Как видим, предчувствие ее оправдалось...

Ну да Бог им судья, тем недобрым людям, кто не сумел сохранить работу кисти талантливейшего Петра Сергеевича Евстафьева. Меня уже влекло великое любопытство, я хотел знать, как родилась картина, какова судьба тех, кто изображен на ней, и прочее, прочее. Ведь, Боже мой, какая удача: я имею возможность все услышать из первых уст! История не ушла в небытие, Мария Федоровна - вот та связующая нить, которая пролегла узким ручейком из прошлого в наш день.

...Когда в 1925 году художественное училище в Благовещенске закрыли, рассказывает Коротаева-Кузнецова, преподаватели, в том числе и П. С. Евстафьев, остались без работы. Учащимся было легче - они просто-напросто уехали продолжать учебу в Хабаровское художественное училище. А что было делать тому же Петру Сергеевичу? На что питаться, на что жить?

Итак, как свидетельствует Мария Федоровна, многие художники стали покидать город: здесь, увы, для них уже не было будущего. Так закончился благовещенский «ренессанс», так потихоньку начинался закат старых культурных традиций на Амуре...

Но простимся с целой плеядой славных репинцев и отправимся, дабы завершить наш рассказ, по следам героев известной картины П. С. Евстафьева «Молодожены», ибо не до конца мы приоткрыли ее тайну.

В 1925 году, продолжает свой рассказ Мария Федоровна, Иван Смотров, забрав жену Леночку, уезжает в Архаринский район, к своим родителям. Он приглашает с собой на деревенские харчи и любимого учителя П. С. Евстафьева, который остался без средств к существованию, и тот это приглашение принимает. Там, под сенью деревенской избы, Петр Сергеевич то ли из благодарности к молодоженам Смотровым, то ли по причине того, что уж так чесались руки у художника, пишет их портрет. Позже Елена и Иван, вернувшись в Благовещенск, с гордостью говорили Маше Коротаевой о том, что-де они позировали самому Евстафьеву, но она как-то не обратила на это внимание.

И вот прошло много лет. Мария Федоровна уже пребывала в почтеннейшем возрасте, когда однажды на выставке местных художников она услышала фразу, оброненную экскурсоводом: «А вот это - работа талантливого художника Петра Сергеевича Евстафьева!»

«Боже мой!» - оборвалось сердце у Коротаевой-Кузнецовой. Но ведь чуяла же она, чуяла что-то родное и близкое, когда перед тем глядела на портрет молодых, а понять не могла. А тут вдруг...

«Так это же моя родная сестра с мужем! Елена с Иваном...» -восклицает она, чем приводит в недоумение публику.

- Как сложилась судьба ученика Евстафьева - Ивана Смотрова? -переспрашивает Мария Федоровна. - В середине двадцатых он отправился на учебу в Ленинград, в ту самую академию, где до этого учился и Петр Сергеевич. Правда, к тому времени власти уже, кажется, успели переименовать академию в институт.

Увы, петербургский климат не подошел Смотрову. Вскрылась каверна и обозначился открытый туберкулез. Ивану Григорьевичу ничего не оставалось, как вернуться в Благовещенск.

«Золотые руки, прекрасный художник», - говорит о нем Мария Федоровна.

В Благовещенске, чтобы заработать на кусок хлеба, стал заниматься оформительской работой. Он в свое время замечательно оформил, и старожилы помнят об этом, торговые залы центрального гастронома, фойе кинотеатра «Октябрь»...

Позже Иван Григорьевич работал администратором театра дорпрофсожа (был перед войной такой театр-вагон, который курсировал от Владивостока до Читы), снова работал оформителем. В 43-м, будучи еще человеком в расцвете сил, умер от болезни...

Что касается Елены Смотровой, то ее также не пожалела судьба - она умерла от разрыва сердца за год до кончины своего мужа.

Но что же сталось с третьим персонажем картины, с тем, кто только-только готовился появиться на свет, чей пробивающийся росток был обозначен рукой художника?

- В 26-м у Елены и Ивана родился сын Виталий, - рассказывает Мария Федоровна. - Рос и учился он в Благовещенске. Вместе с товарищем совсем мальчишками ушли на фронт, воевали на подводной лодке. Есть награды. А вот в отца не пошел - художником не стал. Всю свою жизнь проработал на железной дороге, живя во Владивостоке. Воспитал прекрасного сына, который строил Братскую ГЭС и получил за свой доблестный труд звание Героя Социалистического Труда. Увы, нелепая случайность оборвала жизнь самого младшего Смотрова...

***

Когда наступает родительский день, Мария Федоровна садится за стол и раскладывает на нем старые фотографии, которых у нее много - весь стол оказывается в них. И они, эти фотографии, вдруг оживают, из далеких глубин прошлого выходят те, кого уже давно нет на свете. И они начинают все вместе долго-долго говорить и вспоминать о былом. А когда устанут - все возвратится на прежнее место. И сразу тусклым и недобрым покажется день за окном, и станет одиноко в этой маленькой квартире, где уже многие годы Мария Федоровна коротает свою жизнь. Лишь память о прошлом и согревает.

Вот сегодня, и я это видел, ее лицо прямо-таки светилось молодостью, когда она ставила перед собой копию старого портрета и открывала мне его тайну.

Молодость - это не только физическое состояние нашего тела, но это и состояние души...

БЛАГОСЛОВЕННЫЙ ГОРОД МОЙ...

Исторический очерк

(Окончание. Начало на 6-7, 10-12 стр.)

В настоящее время в городе более тридцати средних школ. В 1997 году благовещенская СШ N1 получила лицензию на право называться гимназией - теперь здесь идет структурная перестройка образования и воспитания, привлекаются более современные и прогрессивные методики обучения.

В городе функционируют Центр детского творчества, станция юннатов, детская экскурсионно-туристическая станция.

В Благовещенске имеется масса библиотек с общим фондом более 1,5 миллиона книг, самой крупной из которых является областная библиотека с читальными залами на 500 мест.

Старейшие на Дальнем Востоке областной музей краеведения и областной театр драмы и комедии так же продолжают быть тем культурным и духовным фоном, на котором протекает живительная и бурная река местной жизни.

У детей Благовещенска есть свой театр - кукольный - с веселым названием «Амурчонок». Третье десятилетие продолжает свою деятельность Амурская филармония, которая является организатором концертов как местных артистов, так и творческих коллективов из других регионов России.

В последнее десятилетие большое развитие получила местная система здравоохранения. Если в 1900 году во всей Амурской области функционировало всего лишь 27 небольших больниц и приемных покоев, где работало только 12 гражданских врачей, то сегодня в одном Благовещенске в нескольких городских больницах и поликлиниках разных ведомств трудятся сотни врачей и представителей среднего медицинского персонала. Кроме того, в областном центре функционирует недавно сданная в эксплуатацию новая современная областная клиническая больница, работают лаборатория вспомогательного кровообращения, Институт патологии и физиологии дыхания, станция скорой медицинской помощи, санитарная авиация.

Благовещенск расположен на равнинном месте, что дало возможность хорошо его распланировать. Его перекрещивающиеся под прямыми углами достаточно широкие улицы обсажены тополями, кленами, ясенями, черемухой. Город непрерывно благоустраивается и расширяется на север и северо-запад. С приходом рынка появилась возможность отойти от практики типового домостроения, и теперь на наших улицах рядом с однообразной архитектурой то там, то здесь начинают появляться здания оригинальной конструкции. В этом ряду - красивый высотный дом на улице Островского, который построила фирма СОППИТ, комплекс реконструированных и вновь возведенных зданий на углу улиц Шевченко-Ленина - заслуга фирмы «Союз», здание областного Центра занятости населения на улице Амурской и многое другое.

Большое внимание администрация Благовещенска уделяет не только строительству жилых и административных зданий, но и в целом облагораживанию вида городских улиц. Здесь не последнее место занимают ремонт и реконструкция проезжей части, строительство путепроводов, дорожных развязок. Город потихоньку начинает прощаться с провинциальной психологией, когда благоустройство улиц являлось второстепенной заботой властей и населения, и переходить к более цивилизованному мышлению. Не случайно, мэрией Благовещенска в последнее время налаживаются связи с зарубежными производителями дорожной техники, способной вести строительство и ремонт дорог на высоком современном уровне.

До Октябрьской революции в Благовещенске преобладала пищевая промышленность. Тяжелая индустрия была представлена лишь несколькими небольшими заводиками и мастерскими. Сейчас Благовещенск является не только одним из крупных научно-культурных центров Дальневосточного региона, но и крупным промышленным центром. До начала перестройки экономики на рыночную основу, когда все предприятия города работали в полном режиме, город давал около четверти всей промышленной продукции области. В нем находятся предприятия машиностроительной, металлообрабатывающей, электротехнической, деревообрабатывающей, швейной, пищевой, комбикормовой, полигра-